

НЕОСМОТРИТЕЛЬНЫЙ

ШАГ

из истории

Надежда Ивановна Комаровская, жена художника Константина Алексеевича Коровина, в юности училась на Московских женских курсах, но тяга к театру была так велика, что она поступила одновременно в школу Художественного театра. Когда стала профессиональной актрисой, играла в различных театрах нашей страны. В конце своей долгой, большой жизни в искусстве опубликовала книгу воспоминаний — «Виденное и пережитое».

Много любопытного и поучительного найдет читатель в этой книге. Как свидетельствует Комаровская, строгая мораль всегда была присуща настоящим служителям сцены. В этом отношении пример показывал Художественный театр.

Всякое нарушение этики находило здесь осуждение.

Вот что произошло однажды.

Вместе с Надеждой Ивановной в школу Художественного театра поступила юная Валентина Веригина. Это была скромная, талантливая, необыкновенно красивая девушка. Красоту ее особенно подчеркивали пышные белокурые волосы.

Случилось, что модный фотограф заметил ее и уговорил сняться. Он сфотографировал девушку претенциозно — с распущенными волосами, так, что они закрывали ее, будто плащом.

— Это будет не снимок, а сенсация! — возторгался фотограф и хитро улыбался.

Через несколько дней портрет Валентины Веригиной был выставлен в модной витрине на людном московском перекрестке.

Перед портретом толпились любопытные.

Когда Веригина появилась в тот день в театре, она почуствовала на себе пристальные взгляды.

Помощник режиссера учтиво произнес:

— Вас ждет Константин Сергеевич...

От его тона у нее задрожали коленки.

Когда Веригина вошла в кабинет Константина Сергеевича, он не сразу заговорил, будто выдерживал длительную паузу. Потом, не скрывая иронии, произнес:

— Поздравляю вас с первым публичным успехом! Ну что же, красуйтесь с уличной витрины! Вот, оказывается, какой способ вы выбрали для саморекламы. Подумать только, выставить себя на публичное обозрение! Вы забыли о репутации актрисы!

Константин Сергеевич не скрывал своего огорчения. Таким Веригина его еще не видела. И тогда она не выдержала, расплакалась горько и безутешно. Станиславский стоял растерянный. Он ожидал объяснения, оправдания — всего, чего угодно, только не слез. Не думал он, что слезы смягчат его, и готов уже был простить будущую актрису за ее неосмотрительный шаг.

— Ладно, — сказал он примирительно, — забудем это печальное происшествие. Только не гонитесь за дешевой саморекламой.

Константин Сергеевич был искренен, когда хотел забыть столь печальное, по его мнению, происшествие. Но через несколько лет случай повторился.

Молодая актриса МХТ Софья Голлидей (у Марины Цветаевой — Сонечка Голлидей), успевшая хорошо зарекомендовать себя в театре, сфотографировалась, чтобы отправить матери свою открытку.

Но вскоре в витрине частного фотографического магазина был выставлен увеличенный портрет с подписью: «Артистка Художественного театра Голлидей».

Предпримчивый ком-

мерсант надеялся привлечь клиентов, если у него фотографируются прекрасные актрисы из Художественного театра.

Константин Сергеевич не скрывал своего огорчения, и, как вспоминала впоследствии сама Голлидей, в гневе называл ее зазнавшейся девчонкой, вывел на улицу, усадил в пролетку и повез на Сретенку в злополучную фотографию.

Надо было видеть лицо Константина Сергеевича, его болезненную гримасу, когда он увидел в витрине огромных размеров портрет артистки Художественного театра...

Он почти вбежал в ателье и без объяснений попросил продать ему фотографию из витрины.

Когда портрет был куплен, Станиславский небрежно взял его под мышку и направился к пролетке.

— Черт знает что! — выговаривал в сердцах Станиславский. — Какая-то девчонка заставляет меня ездить по Москве и покупать ее портреты!

Потом, обращаясь к виновнице, сердито спрашивал:

— Вы думаете, я повезу портрет в театр и выставлю на видном месте?

Голлидей откинулась в угол пролетки, тряслась от страха и не могла выговорить ни слова.

Может быть, и на этот раз, как тогда, в случае с Валентиной Веригиной, Константин Сергеевичу хотелось сказать: «Забудем это печальное происшествие!». Только что-то ему мешало.

Прав, наверное, Алексей Дмитриевич Попов, обративший внимание на нежелание Станиславского «обходить какие бы то ни было мелочи, вступающие в противоречие с высокими принципами этического воспитания актера, которые декларировались в Художественном театре».

Дмитрий БРУДНЫЙ.